

Вячеслав Киктенко

**Литературные
фантазии, эссе**

Вячеслав Киктенко

Литературные фантазии, эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62888818

ISBN 9785005164896

Аннотация

Книга литературных фантазий, мыслей о поэзии, литературе в форме эссе. В основном о литературе, поэзии. Но не только. Есть в книге статьи о проблемах духовных, социальных, даже геополитических: «РОССИЯ – ЕВРОПА. Песня как элемент геополитики», «Русский КОН», «Счастье России – дураки и дороги», о состоянии текущего времени: «Рога врага» и «Шорох листьев», другие.

Содержание

Вячеслав Киктенко	5
ТЕНЬ	10
СЧАСТЬЕ РОССИИ – ДУРАКИ И ДОРОГИ	57
КОРРУПЦИИ В РОССИИ НЕТ	63
«РЕФОРМЫ В РОССИИ СЛЕДУЕТ ЗАПРЕТИТЬ!»	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Литературные фантазии, эссе

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-6489-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вячеслав Киктенко

СОДЕРЖАНИЕ книги ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФАНТАЗИИ. ЭССЕ:

Маленький ПОЭЗОДЕКТИВ

Написана грамотка по синему бархату

Русский КОН

Счастье России – дураки и дороги

Коррупции в России нет

Лев Толстой... а возможен ли он?

Бежин луг как судьба России

Лысенковщина в поэзии

Стоит, значит стоит

По графоману тоскую

Венок Булгакову

Россия – Европа. Песня как элемент геополитики

Рога врага и «шорох листьев». О духовном состоянии
времени

Дополнение:

Записки старой алмаатинки

Маленький ПОЭЗОДЕТЕКТИВ

...и всё-таки по-собачьи они с людьми изъяснялись – как
в стихах, так и в прозе —наши любимые декаденты, на-

ши безумно талантливые пифии, герои «Серебряного века». Словно бы только (или в основном) для «своей стаи», которая уж конечно понимала всё, все детали и намёки, вещали они и пророчествовали. – Да, стая мгновенно понимает любые гримасы, условные знаки, звуки, телодвижения не только вожака, но и каждого члена своей стаи, так сказать – «посвящённого». А как же быть с «непосвящёнными»? Вот тут-то и понимаешь, почему самые великие писатели и поэты отнесены не к «Серебряному», а к «Золотому веку» нашей литературы. Классики 19 века додумывали всё до конца, говорили открыто и ясно, не маскируя пустот, они выражали лишь самое главное. Вот и выходит, что к рядовому читателю относились они гораздо уважительнее, чем их блистательные (это безо всякой иронии) потомки.

А вот нынешним читателям просто непонятно порою: так о чём же у них шла речь тогда, столетие назад, что они имели в виду, что таилось в тех или иных строках, эпиграфах, упоминаниях имён и событий столетней давности, о чём они перешёптывались, перемигивались, перекликались между собой, эти утончённые эстеты, ворожеи, туманные тайновидцы... и почти через одного – гении, собаки этакие! Нет, тут очень часто нужен специалист. Литературовед. Исследователь эпохи. Или – «кинолог», по нашей грубой, но, надеюсь, не оскорбительной аналогии. А что ещё остаётся делать «простому читателю», как не обращаться к специалисту за тем или иным разъяснением? Уж если они так цинично от-

носились к «простым смертным», к «непосвящённым»? Уж не цензура ли царская их так давила? Нет...

Тут вспомнилось, по ходу, что одна из философских школ древности именовалась именно так – «Киники». Или, попроще – Циники. Собаки-философы. Это не было оскорбительно, самого знаменитого из них так и звали: «Собака-Диоген». Да и сам он так себя называл. Выражался притчами, облечёнными в действия, порою не шибко приличные. Быть может, наши декаденты чем-то близки древнегреческим? Ну это в порядке бреда...

А моё предварительное «ворчание» (надеюсь, незлобное) вырвалось потому, что совсем недавно довелось провести личное, почти детективное поэтическое расследование, и вновь углубиться в эпоху «Серебряного века» из-за одной только строчки...

Мы сидели в небольшой, но приятной компании очень искушённых в литературе людей, знатоков поэзии начала 20 века. По ходу занимательной беседы я высказал предположение, что в творчестве Ахматовой очень многих мучает одна строчка, а именно:

«Что знает женщина одна о смертном часе?».

В этой строке мерцает некая неясность, смута души и сердца, ведомая только женщине – так почему-то думается. И, кажется, действительно, именно такая женщина, как Ахматова, должна была знать о смерти более, нежели другие. Да она ведь и реально умирала каждую весну от туберкулё-

за, от которого умерли её родные сестры. Она совершенно серьёзно предупреждала читателей о том, что в теме ранней смерти нет никакой позы, этот рок стоял над нею и сёстрами с самой юности!..

Сёстры умерли, а сама Анна Андреевна выжила – буквально чудом – и после рождения сына болезнь её совершенно оставила. И она прожила потом долгую жизнь...

Со мною согласились – да, эта строка по-особому волнует каждого, но вот впрямь ли Ахматовская это строка? Не какого ли другого поэта, скорее всего мужчины?..

Немного посомневавшись, я действительно вспомнил, что строка эта – эпитафия к одному из стихотворений. Но вот кто автор эпитафии, над каким именно стихотворением Ахматовой он поставлен? – В теперешней беседе, без книг, мы не могли определить

этого с уверенностью. Я торжественно пообещал разобраться поподробней на досуге, а собеседники мои в ответ дружно согласились – да, чья бы это ни была строка, у всех она прочно ассоциируется именно с ахматовским творчеством, она уже намертво вписана в целостный облик поэтессы и неотделима от всего корпуса её стихотворений...

Дома я достал знаменитый «чёрный» томик Ахматовой издания 1976 года – самый полный на то время том её стихов, прозы и статей, хорошо мне знакомый, привычный томик, потому и не менял его потом на другие, более полные.

Действительно, эта строка поставлена эпитафией над од-

ним из стихотворений цикла «В сороковом году». Стихотворение небольшое, приведу его здесь целиком, оно, можно сказать, «вводит в тему» нашего поэодетектива:

ТЕНЬ

Что знает женщина одна о смертном часе?

О. Мандельштам

Всегда нарядней всех, всех розовой и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стёклами карет?
Как спорили тогда – ты ангел или птица!
Соломинкой назвал тебя поэт.

Равно на всех сквозь чёрные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.
О тень! Прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя – красавицу тринадцатого года —
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили... А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу. О тень!

А почему не к лицу? – тут же подумалось невольное – знаменитая «Соломинка», Саломея Николаевна Андроникова, о которой писали, которой бредили влюблённые поэты ахматовского же круга, ничем себя, кажется, не запятнала, так зачем такое отстранение от её образа, или – извинение?..

Это опять к вопросу о «туманах и тайнах», многие из ко-

торых, подозреваю, были непременно антуражем эпохи, без них «Серебряный век» оказался бы на поверку пустоватым. Во всяком случае, немало утратил бы в своей «значительности».

Впрочем, это уже стиль, а стиль не оспаривается, как всякий состоявшийся факт, как данность. Тем более, что сами по себе стихи хороши, спору нет. Вопрос тут несколько иного свойства – а почему у Мандельштама как-то не припоминается именно этой строки? Что-то похожее у него вроде бы есть, а вот эта строка насмерть связалась с Ахматовой, и только с ней, почему?..

Тут уже пришлось доставать томик Мандельштама. Знаменитый томик из большой серии «Библиотека поэта», стоивший сумасшедших денег в начале 70-х годов на чёрных рынках. Да разве с таким расстанешься даже теперь, когда есть собрание сочинений? С тем томиком навсегда уже связаны треволения, за ним стоят кровные усилия, поиски... непомерные для большинства студентов тех лет деньги, в конце концов! Деньги – тоже составная часть детектива, и тут, я думаю, будет простительным ностальгическое отступление. Тем более, что не я один, оказывается, пережил подобное.

Твёрдо осознав, что никакое филологическое образование не будет полным и плодотворным без хорошей библиотеки, я бросил университет. И пошёл на производство. Зарабатывал тяжелейшим

трудом до трёхсот рублей в месяц. Многие ещё помнят, что в 70-х годах это были очень приличные деньги. Больше половины уходило на книги. За три года сколотил отличную библиотеку, предмет зависти многих товарищей-книгочеев.

Теперь это кажется безумством, теперь всё это издано-переиздано, но тогда... Именно тогда эти книги были необходимы, как воздух, без которого не выжить. Но зато и читались они – дай, Боже, нынешнему читателю такой книжной страсти, такого азарта! Нынешнему читателю трудно, плохо в том смысле, что всё издано, всё можно, а потому и пресно для молодых азартных людей. Тем более, что у них теперь есть «Интернет»...

Для меня же, и для моих друзей, с каждой новой, иногда буквально с кровью выдираемой из бездны книгой, был связан свой, неповторимый детектив. Вот и этот поэзодетектив, кажется, лишь аукнулся из далёкого прошлого, окликнул, как милое напоминание о недоговорённом, недопрояснённом тогда...

Я перелистал книгу, и... не нашёл этой строчки! Но ведь что-то знакомое читал у Мандельштама? Читал, помню это отлично. Но где?

Решил внимательнее перечитать «Соломинку», знаменитый цикл из двух стихотворений, посвящённый Саломее Андрониковой...

Увы, там тоже не было этой строки. Обнаружилась похо-

жая, проходившая рефреном через цикл, которая звучит так:

«Двенадцать месяцев поют о смертном часе»

Но ведь это не то, не совсем то? Хотя тема смерти звучит очень отчётливо в цикле, даже навязчиво звучит. Это странно. Тем более странно, что стихи обращены к молодой, редкой красоте женщине:

...соломка звонкая, соломинка сухая,

Всю смерть ты выпила и сделалась нежней,

Сломалась милая соломка неживая,

Не Саломея, нет, соломинка скорей...

Честно говоря, провозившись целый вечер с книгами, я увлёкся сопоставлением текстов, воспоминаниями о раннем их восприятии, и уже несколько подзабыл о первоначальном смысле поиска...

И вот тут мне впервые стало тревожно от этих стихов, которые в молодости воспринимались исключительно лишь как песнь восхитительной женщине, песнь с великолепной звукописью, с неожиданными, загадочными образами, и только. Теперь на первый план проступало иное: почему тема смерти связана с ней?

Современники с неизменным восхищением описывали Саломею Андроникову, всех прельщал её «неземной» облик, она казалась прозрачной в своей утончённости, тонкости... даже в плотской своей худобе, бывшей тогда страшно модной у декадентов. Она словно бы светилась изнутри. Наверное действительно – как соломинка... Но откуда возник

этот образ? – Соломинки?.. Смерти?..

И вот здесь уже открывался новый поворот в нашем детективе. Я зарылся в академические примечания и комментарии, где обнаружил не только искомую строку, но вышел на очень значимую для меня тему, на гигантский, и в то же время смутный образ, давно волновавший воображение.

Да, ещё с юности он волновал более всех других, этот образ настоящего гиганта поэзии, оказавшегося словно бы на обочине русской словесности. Тем не менее, почти все крупные поэты-современники ставили его много выше себя. Вот только критика не знала, что с ним делать, в какой ряд определить, с кем соотнести. Соотнести было явно не с кем, вот и «отставили» его в сторону по причине «неудобности» его, крупномасштабности. Он был неуютен, даже опасен для любителей выстраивать чёткие, правильные ряды. Он был неправильный. Он – через тысячелетия истории – воссоздавал великий Русский Эпос. И не только воссоздавал, но и современную революционную Россию полноправно, пугающе масштабно вписывал в непрерывающуюся Историю, в Эпос. Масштабно, и одновременно же скрупулёзно вписывал, с подробнейшими деталями реалий времени, в котором оказался. И оказался в нём словно бы чужим, посторонним, – Странником...

При всей масштабности и серьёзности замысла, он до обидного небрежно, даже как-то занебесно относился к судьбе написанного им. В итоге мы теперь по сохранив-

шимся рукописям, или даже по их обрывкам вынуждены восстанавливать, как мамонта по косточке, целостный Замысел Поэта. Великого русского Поэта.

Может быть, самого великого за всю историю...

Наверно, уже понятно, что речь идёт о Велемире Хлебникове. Собственно, истинными революционерами, бюджетлянами в полном смысле слова были только двое из всей русской литературы. Это Андрей Платонов и Велемир Хлебников. Даже «великий футурист» Маяковский на их фоне, как революционер, выглядит не вполне убедительно. Его больше волновали дела земные, социальные, сиюминутные. Хлебников и Платонов осознавали революцию прежде всего как переделку мира, как переустройство мира и человека во вселенском масштабе, но одновременно же – на клеточном уровне. Для них Революция означала прежде всего Победу **над** Смертью. И здесь они смыкались с учением Фёдорова, с его «Философией общего дела», а далее и с Циолковским (чаще всего совершенно независимо!). Более того, они до конца дней были верны тем воззрениям, от которых впоследствии отвернулись революционеры.

Стоит почитать, например, переписку-спор молодых Ленина с Богдановым, чтобы понять – социальная революция в России изначально вовсе не была для них самоцелью. Она мыслилась лишь как ступенька к мировой революции. А та в свою очередь – как ступенька к переделке мира и человека. Ибо хорошо понимали молодые бунтари, что с таким че-

ловеком, каков он сейчас есть, со всеми его инстинктами, не построить никакого царства справедливости на земле.

Но не вышло у них.

И когда в 22-м году Ленин в смертельном отчаянии буквально проорал: «Мы построили не социализм, а говно!..» (цитирую дословно), то многие собратья его восприняли это как отбой, как условный сигнал к разворовыванию казны...

Потом, в 30-е годы из них долго и нудно приходилось выбивать наворованное, распиханное по зарубежным банкам. Но это уже другая история, это уже другой, и совсем не поэтический детектив.

А вот наш, поэтический, еще в разгаре.

Мандельштам, безусловно, был одним из тех, кто реально ощущал масштаб Хлебникова. И прекрасно сознавал, что большинство лилипутов-современников просто испугались, ощупав один лишь башмак русского великана. На большее не хватило ни таланта, ни кругозора. Мандельштам же, в отличие от критиков-современников, прекрасно осознал на каких поэтических орбитах работает великий бюджетлянин.

И – внимательнейшим образом вглядывался в каждый поворот его поэтической мысли. Он сознавал, что сам работает чаще всего на орбитах изящной словесности, вращающихся вокруг филологии, что стих его базируется на тончайших ассоциативных ходах, нюансах. И здесь ему равных нет –

Мандельштам это твёрдо знал. Нередко осмеянный осанистыми современниками за свою не вполне лепую внешность, он в глубине души знал – им до него не дотянуться. Во всяком случае, на той орбите, где он чаще всего кружил, ему равных не было. Знать-то он знал, но, как всякий редко одарённый человек, жадно тянулся к большему, к чему-то ещё большему, чем он сам в себе способен обнаружить и выразить в слове.

Друзья-акмеисты тут помочь не могли. И Мандельштам всё внимательнее вглядывался в творчество Хлебникова. И находил, находил для себя очень много!..

Известна его статья 1923 года, где он пишет о трагической буффонаде Хлебникова «Ошибка Смерти», созданной в 1915 году. (Поставить её мечтали многие: и В. Мейерхольд, и В. Татлин, и А. Лурье, который даже написал музыку для постановки. Но поставлена она была лишь однажды, в 1920 году, в Ростове-на-Дону – сам Хлебников увлечённо принимал участие в постановке).

Действие буффонады происходит в «Харчевне весёлых мертвецов». Двенадцать посетителей харчевни пьют по очереди – через соломинку! – из «кубка смерти». (Вспомним тут строку из «Соломинки» Мандельштама: *«Двенадцать месяцев поют о смертном часе»*, а также: *«Всю смерть ты выпила»*. Это писано в 1916 году – словно прямо по свежему хлебниковскому следу!)

Хозяиничает же в харчевне никто иной, как Барышня

Смерть. Хозяйничает до той поры, покуда не является – Тринадцатый. . . И вот тут она, Барышня-Смерть, побеждена. Тема года и двенадцати месяцев здесь очевидна. Менее очевиден образ Тринадцатого. Через него уже просматривается символика не одних только 12 месяцев, но 12 апостолов, возглавляемых Тринадцатым, который и побеждает Смерть.

Известно, что сам Хлебников очень дорожил пьесой. И хотя по жанру это буффонада, и даже в известной степени пародия (в частности на пьесы Блока «Незнакомка» и «Балаганчик», в особенности же на пьесу Ф. Соллогуба «Победа Смерти» – с ней-то и ведётся основной мировоззренческий, пусть и бурлескный по форме, спор), тема слишком серьёзна и значима для Хлебникова. В этой пьесе просматривается ещё более дальняя перекличка – с «Пиром во время чумы» Пушкина, а также и с немецкими романтиками 19 столетия, в частности с «Фантазией в бременском кабачке» В. Гауфа. . .

Та-ак, узелки нашего детектива, кажется, начали распутываться. – Вон куда протянулись его нити! Но зачем же всё так сложно, так запутано? И что здесь означает сам образ «Соломинки»? Почему выпит ею весь кубок смерти? Не потому ли, что реальная Саломея Андроникова казалась современникам совершенно нереальной, неземной, словно бы не от мира сего, и уж тем более – не от России? Словно бы провиденциально предчувствовалось – «Соломинки» скоро не будет с ними, она не для этой грубой жизни, которая уже грузно набухла революцией? А ведь так и вышло.

В 20-х годах она и впрямь покинула Россию. – То есть как бы выпила всю её смерть и увезла в дальние страны... Но ведь смерть ещё только разгуляется в Гражданскую! И позже... и еще позже... и ещё лютее разгуляется, особенно в сороковые...

Вот и гадай, что знала женщина одна о смерти. Да и не она одна. Что знала о ней Ахматова, поставившая строку в эпитафию? Не хлебниковскую – прямую, кинжальную строку – а витиеватую. Да к тому же ещё и черновую, припрятанную в примечаниях, которые вовсе не обязан знать читатель. Это знала подруга поэта и его современница, а мы – давай, разгадывай, прочёсывай закулисные дебри. Детектив, право слово, – детектив!

Да, масштаб Хлебникова, его прямоговорение явно не акмеистического плана. Его масштаб, быть может, единственный равновелик масштабу самой России. Или – Замыслу Божьему о России. Но на него, на «обочинного» Хлебникова, как-то не принято

ссылаться, ставить в эпитафии, запутывать читателя, морочить туманами... У Хлебникова не мороки, не изящные игры, у него всё слишком серьёзно и высоко, у него – борьба Жизни и Смерти. Тут «изящно» не поиграешь...

Кстати, в черновиках Мандельштама строка выглядит так:

И, к умирающим склоняясь в чёрной рясе,
Заиндевелых роз мы дышим белизной.

Что знает женщина одна о смертном часе?

Клубится полог, свет струится ледяной...

Красивые стихи. Но какие всё же туманные! Загадка, а не Тайна остаётся и после него, и после Ахматовой, и после всего «Серебряного века»...

И поневоле спросишь напоследок, точно ребёнок, жаждущий выведать секрет:

а всё же – что знает женщина одна о смертном часе?..

Спросишь, и вновь повторишь в недоумении: а всё же, всё же —

что знает женщина одна?..

И в итоге расширительно укорачиваешь вопрос: а всё же, всё же, всё же —

что знает женщина?..

НАПИСАНА ГРАМОТКА ПО СИНЕМУ БАРХАТУ...

(Заметки о Поэзии, а также о некоторых поэтических странностях, вроде зачистки клемм, проводки и прочией «мелочи»).

«Да это же холуйский трёп! Болтовня рабов, обуянных гордыней и дерзостью в отсутствии (мнимом на поверку) Господина!.. это бессовестно!» – Примерно с такой степенью высокопарности, помнится, хотелось в молодости воскликнуть ввиду разгорающейся очередной дискуссии поэтов о...

Поэзии. О той Поэзии, которая сама ведь – божество, не иначе....

И это восклицание не казалось высокопарным.

Тогда, в 60-80-х годах 20-го века недоступны были труды Сергия Трубецкого, Павла Флоренского, не говоря уже о Иоанне Кронштадском... тогда думалось – что ни скажи о Сокровенном, всё будет вздором, пошлостью, и лучше молчать, переживая самое тайное только в себе.

Это и сейчас верно по сути, но теперь, когда всем открыты слова умнейших, деликатнейших и смиреннейших богословов, понимаешь – даже о Творце можно сказать достойные слова, пусть даже они исходят от Его производного, от Его творения – тварного существа.

А что? Если истинно верующий человек – раб Божий, и ни капельки не стыдится этого своего «статуса», то ведь для истинного поэта также несомненна и совсем не оскорбительна его преданность своему божеству – Поэзии. Но когда раб Божий начинает рассуждать о своём Господине, который умо-непостижаем, он рискует впадением в грех. Он ведь теперь, рассуждая, даже помимо воли вынужден поминать имя Господа всеу, попросту забалтывать самые высоки сущности. Как заболтали их в начале 20 века декаденты, философы, богоискатели в своих теософских кружках и шабашах.

Но неточно было бы отождествлять поэзию и религию. Сказано умным французом: «Поэзия – сестра религии». И верно, немало известно семей, где одна сестра монахиня,

а другая – весьма ветренная особа. Да и сами священники порою склонны приравнивать искусство к греху, к искусу...

Достаточно взять любое каноническое Евангелие, чтобы убедиться – никаких поэтов, художников, музыкантов там нет. Их как будто и вовсе не было в то время. А ведь были, были! Это доподлинно известно. Но Спаситель избирал не их. Кого угодно – мытарей, рыбарей, блудниц... Он не любил фарисеев, книжников, да и всю образованную аристократию недолюбливал. А ведь именно из этой среды нередко возникали художники, философы, поэты. Но их как бы не существовало для Него. Он нёс людям Любовь, Свободу. Но не культуру.

Культура для Него – тот же культ, кумирня. Подозреваю, что именно культура стала самой коварной (прекрасно обольстительной и почти прозрачной) стеной, вставшей меж Ним и нами. Он ценил – простоту, простодушие. Но не изыски.

Я всегда считал, что поэзия – это язычество, пантеизм, детство человечества. И когда в перестройку стали появляться словосочетания вроде «христианская поэзия», «православная лирика», для меня это было дико. Христианство – взросление человека, человечества. Ему не так важны инфантильные, многообразные эмоции и суждения. Ему нужно другое – трезвое, мужественное отношение к жизни и смерти. То есть, относительно к творчеству, чистый ли-

рический (лироэпический и проч.) тон. Быть может *там*, в горних, различают лишь тональность сказанного *здесь*. Вот, к примеру – Минор. А вот – Мажор. И довольно. Полутона, нюансы, переливы остаются уделом и достоянием земным. В горних же слышат лишь: «Ой Дид-Ладо!...», «Таусень, таусень!...», «Эвоа, эвоэ!...»... – Гнев. Скорбь. Ликование. Только чистый тон.

Но тут поневоле вспоминается история с великим Велемиром, который и явился-то миру в не самые плохие для поэзии времена, – в революционные! И то всю свою жизнь (жизнь героя, пророка) проходил в чудаках, в белых воронах. Великан оказался не по росту мельчающей эпохе. Истинные поэты его приняли сразу, и даже вознесли безоговорочно выше самих себя, уж конечно же, откровенно любимых собою. Это ведь немало стоило! И мужества требовало, и предельной честности в жёсткой самооценке.

Но истинных всегда единицы. А публичный бал правят лилипуты. Хлебников лишний на их балу. Он неудобен, громаден, он может разрушить уютную обстановку... он опасен попросту! И его объявляют чем-то неудобоваримым, мало пригодным к восприятию. Вопрос – к чьему восприятию? К восприятию тех, кто диктует лилипутские нормы?

Итог – его, мифотворца, гимнопевца, титана, дерзнувшего воссоздать и возродить великий русский эпос (да, языческий, – народный, а какой ещё он бывает, эпос?), и поныне считают его чем-то сторонним, «обочинным» в русской по-

эзии. Чуть ли не за юрода выдают. И многие верят, ведь им «взрослые объяснили», – в учебнике, в школе, в институте... и пошло, и поехало по инерции...

«Гнев, о богиня, воспой...» – вот самый сильный и определённый тон. Сильнее потом уже не было в поэзии. Да и гимнопевцы перевелись со временем. Не оттого ли и диагноз этот печальный – общее снижение Поэзии во времени, обраставшем буржуазностью, снижение её полёта, или хотя бы её устремлённости вверх... и, как закономерная неизбежность, понижение самого статуса поэта.

Был пророк, гимнопевец, псалмопевец, а стал... бытописатель. Мастер деталей. Певец альковных утех. Если же и дерзнёт, если и отважится современник на «высокий штиль», на разговор «олимпийский», а не кухонный, общежитейский, – сочтут безумцем. А вернее всего графоманом. О чём публично будет объявлено каким-нибудь критическим «авторитетом». Это в лучшем случае, это лишь в том случае, когда «безумец» окажется достаточно ярким, и не заметить его будет уже невозможно.

Державин днесь не нужен. Он не просто смешон, – его «пипл не хавают».

Николай Рубцов сказал о поэзии: **«И не она от нас зависит, а мы зависим от неё»**. Под этими словами, я думаю, подписался бы каждый, окунувшийся в истинно поэтическую стихию, однажды и навсегда ошеломлённый ею. Ибо

понял: *вынудить самого себя* написать что-либо стоящее без соизволения свыше – невозможно.

Тут возникает мотив *служения*, божественный мотив. Потому, наверно, и казались мне бессовестными все рассуждения низшего (поэта) о высшем (Поэзии), подчинённого о господствующем. Тем более, что лишь в 20 веке стали возможны хамские уверения – «Я гений...». В веке же 18, и даже ещё в 19 приличествовала иная, гораздо более самоосознающая форма: «Мой Гений». Или о ком-то: «Его Гений», «Он осенён (чаще – он осеняем) Гением». А ты, – кто ты, даже пишущий, даже весьма ловко пишущий человек? Ты, по В. Хлебникову – «бревно мяса». Чтобы это «бревно» одухотворилось, задышало, запело, нужно ой как много чего ещё, кроме одного желания публично проораться...

Но со временем стал я осознавать – это не прямая зависимость, не зависимость раба от господина, но более сложная. Возможно, даже в чём-то тождественная знаменитому паламитскому догмату: **«Стяжание Благодати не по сущности, но по энергии»**. То есть не двоичная, а троичная связь: Божественная Сущность – Божественная Энергия – тварная сущность. Согласно догмату святого Григория Паламы, тварный мир не способен напрямую контактировать с Божественной Сущностью. Связь свою с нею он осуществляет лишь через Божественную Энергию, которая сопричастна Сущности, но способна осенять и дольний, тварный мир.

Эти византийские тонкости не так уж и темны, если вдуматься. А поэту, да и любому творческому человеку они внятны, наверное, более, чем остальным. Эта априорная данность лишь высветляется со временем в каждом художнике. И не столько умом высветляется, сколько всем глубинным творческим потенциалом, всей залежью таимого в нём, – всем тем, что при личностном духовном усилии порою счастливо проступает в Слове, которому преданно служит поэт. Служит нередко долгие годы и, конечно же, задумывается (а ночи бессонны, а зимы в России особенно долги и нерассветны) не только о Главном, но и о деталях.

Со временем для поэта на первый план выступает не безусловная иерархическая соподчинённость, не просто понимание – Я зависим от высшего, от Слова, а следовательно, моё дело не такое уж и решительное, моё дело: просить и призывать снизойти высшие силы (читай – Вдохновение), а там как Бог даст... нет, со временем проступает немного иное понимание. —

А если Бог и вправду даст, а ты окажешься не готов? Ну вот не воспримешь даваемого, или же по каким-то «техническим причинам» попросту не сможешь его воспринять в должной полноте, что тогда? Кто тогда виноват? И в чём проблема твоя – человеческая проблема?

Вот здесь на первый план выступает уже следующий мо-

мент осознания: да, я проводник чего-то высшего (простите, братцы, за высокопарность, не виноватый, мол, я, так уж случилось), и я служу... но хорошо ли служу? В чём вина моя, что недостаточно хорошо служу? Задаст себе поэт вопросец этакий, и думает, и думает...

И додумывается порою до того, что сам и виноват очень даже во многом. Если он проводник, то ведь и «проводку» надобно содержать в чистоте, чтобы сухой была, чуткой к восприятию. «Изоляция» должна быть надёжная. Не изоляция от мира, от болевых проблем, но от коварных помех, от навязываемых всё чаще темочек (всё равно – архаических или новаторских), которые к поэзии не имеют никакого отношения. И уметь отличать истинно поэтические, пронзительные ноты и темы от лжепоэтических, в пучине которых бесследно погибли сонмы.

Да и клеммы зачищать хорошенько не помешало бы.

Почаще клеммы зачищать – это не лишнее. Особенно в современном мире, где настолько переплелось техногенное, телесное, духовное, что всё вокруг буквально, кажется, кишит разноцветными проводами. Где живой проводок, а где компьютерный, порою и не отличить. Иногда страшно бывает представить – а вдруг и генные проводочки в гигантском, во всеобщем *кровопроводе* человечества уже так перепутались, что начал-концов не сыскать?..

Так вот она, задача твоя непосредственная – ты от мира не заслоняйся, всё равно не получится, но и головы не теряй, а уж *свою* проводку, будь ласков, содержи в порядке. Клеммы чтоб всегда наготове, в чистоте и блеске были. Придёт час, призовут к «выходу на связь», а ты – спишь. Клеммы потускнели, заржавели... а времени на срочную их зачистку может и не оказаться.

Так что она, Поэзия, от нас, как раздумаешься, всё-таки и зависит. Мы от неё – безусловно, она – более условно. Но связь, но зависимость эта всё же и взаимобратного свойства. Дело тут, на поверку, может оказаться и в личностном твоём усилии, в чуткости восприятия, в готовности быть всегда «по форме номер один». Что особенно трудно в современных условиях. Не всякий способен на рынке торговать – надуют простака. А деньги-то нужны, а жрать-то хочется... стихи уже не кормят. Прежде кормили (прожить, во всяком случае, можно было), сейчас нет. А вокруг – соблазны, соблазны, соблазны... можно халтурку сварганить (навык писательский имеется), детективчик какой-никакой, романчик-бытовичок... греха большого вроде бы и нет, а вот «клеммы» – тускнеют. Тускнеют почему-то, сволочи! Да и проводка сыреет, гадина.

Непонятное дело.

Жить-то надо, разве неясно это *там*, откуда *токи* нисходят? Оттуда что, – никакого снисхождения к поэту? Похоже,

что да. Никакого. «Не царское это дело» – о житейских проблемах твоих хлопотать. Выбирай сам, крутись, не крутись, а поэзия – понятие не житейское. За тобой выбор. Как жить, как писать?...

Оттого, может быть, и дискуссии о Поэзии разгораются всё чаще.

И не на шутку разгораются. Пришло, кажется, осознание, что современная проза работает в основном на таких низких орбитах, что о «Стяжании Благодати» здесь не может быть и речи. Поэзия же – иной полёт, иная высота. Здесь иногда и горнего, «простого» воздуха можно хлебнуть, а не только «сложного», многосоставного смрада понизовья.

Что касается моего поколения поэтов, рождённых в 50-60-х годах прошлого века, на его долю, мне кажется, выпала уникальная роль, а точнее испытание. Не дай Бог, чтобы это повторилось, – поколение рождённых в 70-90-х годах сомкнуло, или ещё смыкает опасно зиявшую четверть века брешь во времени. Много об этом думалось, даже приходилось говорить, но обобщить их в сегодняшней дискуссии будет впору.

Мне кажется, никогда ещё человек так обнажённо не ощущал того, что у Канта обозначено словами «нравственный закон во мне». Иными словами, никогда еще столь беспощадно не бывал оставлен один на один с собою. Свое одино-

чество во Вселенной во все века человеку смягчало присутствие Бога, хотя бы в лице всей церковной конгрегации.

Закон внутренний, таким образом, хоть отчасти подменялся законом внешним, облачённым роскошными одеяниями многовековых традиций, обрядов, ритуалов, утверждённых в канон. На рубеже 19 и 20 веков, когда формы эти философски и нравственно почти исчерпали себя (или были заболтаны интеллигенцией), всё же в массе своей человечество не вышло из руслу традиций сверхпокровительства. Революция как бы покончила с ними, но оставалось в живых поколение, несущее их.

Великая Отечественная война, как известно, всколыхнула вновь это состояние в народе, и опять долгое время оставалось поколение, несущее с собою традицию веры, ритуала. Но 40 лет без войны – такого ещё не бывало в 20-м веке. Вот за эти-то годы как раз и выросло, и осознало себя поколение, лишённое внешних обрядов, но несущее в себе лишь тот нравственный закон, который мы называем Совесть. И – ничего кроме. Для большинства моих сверстников, во всяком случае, это было именно так.

Вот здесь-то, в мирное время, поколение наше и подверглось жесточайшей, быть может, из всех проверок человека на прочность. – А ну-ка, мол, посмотрим, насколько он реален и крепок, этот ваш стерженёк, который называют туманным и внешне неощутимым словом Совесть? Ведь боль-

ше-то нет – ни-че-го! – звучало нам

социально-общественным искушением не только с трибун, но и со школьных, университетских аудиторий. – А вот как вы-то сами по себе, а? Отвечайте, братцы!.. взялись за перо – отвечайте. Да, мол, знаем, и раньше бывали боготборцы... но народ-то в целом веровал, а поэт – глас народа. Что же провозгласите вы теперь народу, как вы ему откроете ваш символ веры под названием Совесть? Или, если хотите, нравственный закон? Или, если хотите, категорический императив? Очень уж мелкогато у вас получается – всё я да я, а где же Мы, Народ?..

Но тут, когда так обнажена связь я – и мир, весь мир – и совесть (всеобщая весть), и всё это выпало на долю поколения, прямо скажем, в подобных масштабах – первого в мире, не стоит ли попытаться понять все сложности того поколения?..

Подлинная духовная работа всегда вершится медленно, трудно, подвергая себя ядовитым насмешкам скептиков и прагматиков, требующих ясный, сиюминутный результат сразу, вне оценки социального контекста. Что способно победить – изворотливая ложь, так или иначе проникающая в любого из нас, или же тот внутренний наш состав, именуемый Совестью, исторгающий из своих глубин сильнейшее противоядие всему безнравственному в мире, противопоставляющий ему – Слово? Поприспальнее сопоставить его

значимость значимости своей собственной, своей простоте и сложности – это ли не значит наиболее точно соизмерить координаты Нравственного Закона и – Слова? Не отсюда ли возникало учащенное использование в стихах религиозной символики? А она допускалась, что ни говори, тогдашней цензурой, хоть и была нередко лишь литературным приёмом – обозначением неизменных человеческих ценностей. – Скреп человека во времени...

Но не только же это!

Русским народом изначально вырабатывались свои духовные ценности. Христианство же, как государственная религия, сосуществовало с глубинным, языческим миротворчеством. Здесь, в древних корнях народных воззрений, в легендах и песнях заложена, на мой взгляд, та мощная традиция единения человека с космосом, со всеми его стихиями, которая так обидно бывала позабываема в светской литературе. Но до конца никогда традиция эта не прерывалась. Кроме того, что её продолжали великие писатели и поэты, она всегда жила в народном сознании, в народном творчестве. Да в каждом из нас подспудно живёт и поныне!

Но тут, в этом «поддоне», если быть до конца честным перед собою, перед своим внутренним, хтоническим Я, исчезает само понятие «совесть», исчезает порою и более древнее, более глубинное, «языческое» понятие – *стыд*. Остаются натяжения СИЛ – физики, красоты, ужаса, радости. По-

тому и кажется порою, что языческие, древние тексты – бесстыжи. Но если присмотреться получше, они не столько бесстыжи в современном понимании, сколько – непосредственны. Это мир в своей «варварской» целости, не прошедший шлифовки позднейшими «моральными ценностями»

Что значат хотя бы те же детские игры, считалки? Воспоминания о страхах и радостях детской души. Всмотрись в себя, – они же и донныне протянуты тоненькой ниточкой через всю жизнь! А игры словом и действием – это же ни что иное, как архетипы нашего поведения во всей последующей жизни, разворачивающей в объёмные полотна маленькие детские наброски.

Попытка через первообразы мира проследить историю взросления человеческой души, музыкально навсегда остающейся в детстве, мне представлялись и представляются одной из поэтических задач в сегодняшнем продолжении древней традиции.

Кто-то из критиков задал Николаю Заболоцкому (поздному, «класическому» Заболоцкому, уже в 50-х годах, после ссылки) простой и странный вопрос: а почему в 19 веке всё было ясно – кто есть кто из поэтов, кто великий, а кто не очень, словно по полочкам они были разложены уже при жизни? А вот в 20 веке сплошная путаница и «смена вех», почему?

Заболоцкий ответил просто и ясно: ну как, мол, этого

не понимать? В 19 веке был Канон. А в 20 веке каждый выбирает и меряет по себе... – свобода!

Да, свобода не терпит Авторитета. Да и где его взять? Уголовных авторитетов – хоть отбавляй, духовных – днём с огнём поискать.

И вот, помню, именно в отсутствии «авторитета», я по молодости решил сам для себя создать... ну если не Канон, то некую внутреннюю мерку, с помощью которой можно определять силу и значимость современных поэтов. (С классикой более-менее ясно). То есть попытаться хотя бы для себя самого выстроить иерархический ряд.

А стихи тогда издавались пышно, книжки были более чем доступны – по 5, по 10, по 15 копеек, тиражи – в сотни тысяч экземпляров. Прилавки были буквально завалены стихотворной продукцией, и любому было понятно – далеко не всё из предлагаемого можно отнести к поэтическому творчеству. Но как выбрать, как отличить настоящее от рифмованной подделки?

И вот мне, провинциальному юнцу, в отсутствии наставника и советчика, предстояла работа нешуточная: окунуться с головой в стихотворный океан, «прокачать» сквозь себя горько-солёную смесь, и при этом не отравиться. Тут нужен был метод *быстрочтения стихов*. Звучит диковато, но мне и вправду удалось его отыскать, – в себе самом – и теперь уже воспринимать стихи не столько разумом, сколько «по-

звоночником», спинным мозгом. Рюкзаками носил домой молодогвардейские сборнички, брал за 5 копеек, а сдавал обратно за 3 копейки – в букинистический. И снова набирал. Отсеивал большинство, но кое-что оставалось в «лотке». Золотые крупницы. (Горжусь и поныне тем, что абсолютно сам, без подсказки педагогов и критиков оценил ещё в 60-х годах Рубцова, Чухонцева, Соколова, Ахмадуллину, Передреева... и не только их. «Позвоночник» здесь не подводил, в отличие от...

Со временем я, даже ещё до внимательного прочтения, более по внешнему виду, по расположению строк и букв, стал воспринимать стихи в целости, «с листа», и еще до осознания их определять – здесь стоит углубляться, а здесь нет, – пустота.

Это здорово помогало и потом, в издательской работе, где перелопачивать приходилось пуды рукописей, где можно было сойти с ума при кропотливом предварительном изучении каждой пухлой папки.

Я позже не раз слышал подобные откровения от поэтов, работавших в отделах поэзии, – без такого навыка невозможно сидеть «на потоке». А весь-то навык состоял лишь в том, чтобы слушать себя – вспыхнуло, дрогнуло что-то там, в спинном столбе – заострай немедленно внимание, здесь может залегать «жила». И, как правило, этот первичный «сигнал» не подводил. Сотни раз перепроверял себя, –

где ничто не дрогнуло, там и не оказывалось ничего стоящего (речь не о профессиональном уровне написанного, разумеется). Где дрогнуло – могла состояться интересная книга. Или подборка.

Но в чём заключался собственно «мой метод» определения значимости того или иного поэта? Не только непосредственный, первичный, а поздний, на уровне осознания?

У каждого он, наверняка, свой. Мои методы корректировались не раз, обо всех нет смысла говорить, но вот два из них сослужили (и посеючас порою, но – попеременно – прибегаю к ним) добрую службу. А может, и кому-то ещё пригодятся. Тогда, значит, не зря о них рассказываю.

Поразил меня в одной научно-популярной книге рассказ о магнитных залежах. Оказывается, мощь и величина магнитной залежи определяется с поверхности земли приборами по принципу расположения, формы, «рисунка» этой залежи. Если только спонтанные, разрозненные колебания улавливает прибор, то залежь, даже очень протяжённая, скорее всего невелика. Подлинно мощная залежь действует на приборы ровным и постоянным импульсом, а главное, она всегда выстраивается в форме – подковы!

Вот что поразило меня.

Сразу вспомнился школьный – сине-красный – магнит в форме изящной подковы из физиокабинета, представились растяжения на «плюс-минус» магнитных силовых по-

лей, и всё это странным образом спроецировалось на поэзию, на её силовые линии и поля. Вот чего мне не хватало!

Я стал мысленно «взвешивать», «прощупывать» того или иного, уже «освоенного» мною, поэта по принципу магнитной залежи. И многое (для себя, во всяком случае), прояснил. Вот почему у этого поэта (имярека) даже отличные стихи не складываются в Событие – да там для стяжания «подковы» внутренних, подземных, таинственных сил не хватило. А вот у этого – всё складывается. Один увенчан и многожды издан, и всё равно «не дотягивает» по большому счёту, а у другого – одна книжечка, но получается так, что она «томов премногих тяжелей».

Я был рад – «метод» найден, он практически безошибочен, и он уже проверен, он «работает», хотя бы для меня лично!..

Но со временем и в нём стали замечаться не то чтобы «недоработки», но... не всё им объяснялось. Очень многое объяснялось, и сейчас объясняется. Но вот как быть с некоторыми простенькими «мелочами», такими, как...

Ну вот, например, – великолепный, мощный поэт Ярослав Смеляков. Это уже без дураков, поэт. Но почему всю жизнь его снедала... если не зависть, то ревность к Александру Твардовскому? Почему сильному, с эпическим размахом поэту Илье Сельвинскому не давала покоя власть над

читателями Бориса Пастернака?

(Хорошо знавший обоих современников старый поэт рассказал мне с горестным недоумением случай. Они шли с Сельвинским по улице, когда радиотарелка на столбе кратко объявила в конце новостей, что умер известный поэт Пастернак. – «Я взглянул на Сельвинского, и что бы, Вы думали, увидел на его лице? – с непреходящим недоумением спросил меня старый поэт – Торжество!.. Да-да, он был по-настоящему, торжественно взволнован, и произнёс страшное: «Ну всё, теперь Я – первый поэт России!..»).

Для Сельвинского Пастернак, видимо, заслонил в давно съедавшей его ревности всю современную поэзию. Ни Ахматовой, ни Твардовского, бывших тогда в настоящей поэтической силе, для него не существовало... никого не существовало. Пастернак стал для него бедствием жизни. А ведь Сельвинский не был обделён талантом, его эпос ещё предстоит «вспомнить» по-настоящему).

Да, не всё можно объяснить «магнитной подковой». Самая большая загадка здесь поджидала меня в сопоставлении дара Сергея Есенина и Павла Васильева. Дара такой мощи, как у Павла Васильева, не было в 20 веке, наверное, ни у кого. Это признавали крупнейшие поэты, писатели века – и тот же Пастернак, и Максим Горький, опасно «журивший» при всём том поэта в года нешуточные – за ухарство в быту. Но самому Васильеву не давала покоя слава Есенина!..

При всём своём невероятном даре он чувствовал – его, младогения, хотя и чрезвычайно высоко ценят, но всё же более «восхищаются», «восторгаются» им, а вот Есенина – любят. И будут любить всегда и все – от мала до велика, от работяги до академика. И тут уже ничего не поделаешь. Это свойство дара, онтологическое свойство. Пусть у Есенина не такой впечатляющий и очевидный размах, как у Васильева, но у него есть то, чего не превозмочь никакой силой – Простодушие. Глубина Памяти.

Тут надо объясниться подробнее. Поэтическая память сродни реликтовому излучению. Она незрима, но всегда ощущаема в Слове. Реликтовое излучение возникло при создании нашей вселенной, в момент так называемого Большого Взрыва, и по нему, незримому въяве, определяют возраст вселенной. Это излучение – поэтическая память мира, она незрима, её не пощупаешь, но она всегда ощутима в поэзии.

Ну не силой же берёт Есенин! Берёт, что называется, за душу, за самое что ни на есть живое, глубинно живущее в каждом человеке. В русском – особенно. И русскому поэту Есенину дано было это выразить в стихах. Словно тьмы молчаливых предков нашли, наконец, возможность выговориться через поэта. Их мало таких, всенародно, – сразу, изначально и до конца любимых поэтов.

Есенин из этой породы.

Он (может быть, даже помимо воли) несёт в себе генетическую, реликтовую память не только о всех предках, знаемых и незнаемых, но «луч» тот уходит сквозь тьму протопластов, сквозь Юру, Кембрий, Архей – к пламени или плазме Большого Взрыва. А скорее всего, тот луч вообще безначален и безвременен. И струился он, неся в себе память прототрем и протосуществ (родственных ведь нам, как и – всему живому), струился и струится... – откуда? Бог весть. Но, похоже, ещё до того, обозначаемого учёными, Большого Взрыва, то есть – *До Всего*.

Не нам судить о том. Нам можно только чувствовать, догадываться. Ибо «Тайна сия велика есть...»

Но вот чувствуется сразу, непосредственно – Есенин это Любовь, Боль, Память всех. У кого-то из поэтов память обрывается на третьем поколении, у кого-то на девятом, у кого-то она дотягивается подспудно до эпох архаических, образно говоря, до чешуекрылых и усоногих... а там – непонятно по каким причинам – обрывается.

Вот, например, Маяковский. Гениально одарённый поэт, безусловно. Гигант. Но что-то с долгоюю памяти у него случилось, где-то там, в неведомых глубинах она «не срослась». Это недоказуемо, разумеется. Это просто чувствуется.

И вовсе не вина того же Павла Васильева, что им восхищались и будут восхищаться, а вот с любовью... тут посложнее. Тут рок, а не вина.

И вот что ещё я стал замечать – каждый, воистину вели-

кий поэт обладает одним неизменным качеством. Он – Простодушен в основе своей. Это не значит, что каждый простодушный – гениален, нет. Но каждый гениальный – Простодушен.

Да, сила «магнитной залежи» здесь не срабатывает.

Здесь иной духовный уровень. Сила «подковы» более применительна к понятию таланта. Природа же гениальности, по-видимому, скрыта в совершенно иных – принципиально иных! – глубинах и высях. Самое точное слово здесь – Дар.

Дар со-чувствия, который даётся, по слову Тютчева, как Благодать.

Много было поэтических обольщений в 20 веке. И хотя не все «хрестоматийные корифеи» выдержали проверку временем, я хочу быть правильно понятым в моём отношении к русской поэзии 20 века. С постаментов сбрасывали многих кумиров. Пытались даже Маяковского скинуть – не вышло. Зубы обломали о советского «зубра».

Сейчас модно сбрасывать «шестидесятников». И поделом, вроде бы, – слишком много «революционной», слишком ликующей пены там было. Но зачем с пеной выплескивать добрый напиток? Многое потускнело, отпало само собой, и не стоит разговора. Но когда такие яркие (спорные – казалось в 50-60-х) имена, как Вознесенский, или Сулейменов пытаются «сдать в архив», поневоле растёт внутренний

протест.

Да, и «Лонжюмо», и «Земля, поклонись человеку» были в полном смысле слова социальным заказом. Но они не были конъюнктурными сочинениями! Это принципиально разные вещи, тут нельзя путать. Эти поэмы и сейчас, если не предвзято их перечитать, несут в себе такой эмоциональный заряд, которому, уверен, пусть втайне, но завидуют многие нынешние, «продвинутые» ниспровергатели той, «простоватой» эпохи.

Главное, поэмы те – искренни. Во всяком случае, порыв изначальный был искренен, – уж тут не проведёшь. Искренность порыва счастливо совпала там

с социальным заказом времени. Если же кто-то из «романтиков» 60-х (мне это неизвестно) под напором «новых понятий» сейчас отрекается от той «одиозной» тематики, это уже факт личной биографии, но не поэзии. Лучшее, непосредственно воспринятое временем, остаётся надолго. Тем более, когда «клеммы» зачищены хорошо. А они у лучших поэтов той, «романтической» эпохи были зачищены неплохо. Они были чуткими. К токам времени – особенно. С вопросами «вечными» дело обстояло посложнее, но уж таково было время – «сразу и сейчас».

20 век русской поэзии богат, необъятен. И он уже почти завершён (не календарный, а поэтический 20 век), так что можно подводить итоги.

Для каждого они свои. Вот и мои итоги, с учётом всего сказанного выше, уже определились. Век Поэзии для меня – День. Но это день в вечности. А день начинается солнцем, завершается луной. В том веке-дне были Блок, Маяковский, Ходасевич, Цветаева, Гумилёв, Мандельштам, Твардовский, Заболоцкий... от одного перечисления дух захватывает! Не перечислить. Один Хлебников, как неопознанный великан из другого измерения, вызовет столько изумления!..

Всех не перечислить.

Но два поэта определили для меня (повторю – лично для меня) век русской поэзии. Обозначили и очертили его, как явления не столько искусственные, сколько природные, космические. Два поэта, вне зависимости от «степени величия» и величания их. Это знаковые для меня явления, глубоко русские, глубоко символические. Один взошёл в начале века, как солнце, другой, на исходе его, как луна.

Есенин, с его солнечным, независимо от тематики, мироощущением.

Рубцов, с его ночным, лунным сознанием, мироощущением.

Именно они (в моём видении) очертили и замкнули Век – День русской поэзии.

Можно и другие века обозначить подобным образом, но скажу только про самый близкий, самый родной нам 19 век. Там также, несмотря на обилие великолепных имён,

два поэта осветили и обозначили его, каждый по-своему.

Пушкин взошёл как солнце, и доныне сияет дневным, мощным светом.

Тютчев, с его ночным сознанием, показывает – обнажает иную, погружённую во тьму сторону души...

Крылов, Батюшков, Баратынский, Языков, Грибоедов, Лермонтов, Некрасов, Кольцов, Фет, Случевский, Анненский... Боже мой, какая мощь, красота, гармония! Но два поэта – Пушкин и Тютчев (для меня, повторяю, лично для меня), как солнце и луна, – обозначили и тот Век, и тот День русской поэзии.

Да ведь они и есть самые Простодушные в русской лирике! – Пушкин, Есенин, Тютчев, Рубцов...

«Отдам всю **душу** октябрю и маю, но только **лиры** милой не отдам» – это простодушное самозаклинание Есенина говорит о многом. Лира древнее всего, в ней *правда* – праведание, пра-знание. То есть такое глубокое знание, а вернее – память об этом изначальном, жизнеполагающем, вечном знании, что легче душу отдать временному. Но не лиру. Душа поймёт и простит. Лира – нет. Такой вот предрассудок поэта. «Предрассудок, он обломок древней правды...» – к этим словам Баратынского прислушивались, прислушивались...

Да, и Лермонтов, и Гумилёв, – и они, и многие другие, драгоценные для нас имена!.. Но, видимо, Глубина Памяти,

о которой шла речь, таинственным образом проявилась более, чем в других, в Пушкине, Есенине. Их и любят – «без памяти». Ибо той, «реликтовой» Памяти поэта, вьяве попросту не обнаружить. Можно только ощущать её, и – любить. Так, подспудно, мы ощущаем невидимые нам, молчаливые поколения предков...

Вот и современную поэзию сужу я по тем же меркам. И «подкову» порой обнаруживаю, и простодушие. – Мои личные оценки далеко не всегда совпадают с оценками общепринятыми, а потому у меня и выстроился свой «пантеон» современников. Вопрос его огласки – щекотливый. Шкодливым даже. Только начни называть – хлопот не оберёшься. Да и не это входило в задачу настоящих заметок, а попытка очертить круг ценностей. И моих, и в протяжённости поэтического времени – ценностей.

А уж в кругу этом имена могут быть разные.

Скажу только, что дела русской поэзии совсем не так плохи и унылы, как плачи о ней. Она не предала себя по большому счёту, это главное. Не предала в ритме, в тяге к высоте и свету, в тугоплавкости нисхождения к земле. Есть подлинные поэты! Они для меня из тех тайновидцев и чудаков, которые своё «поручение» поэтическое воспринимают, как и встарь. А поручение звучало и звучит так:

*«Поди туда, не знаю куда,
Принеси то, не знаю что».*

И ведь несут!

Несут, несмотря ни на что. Несмотря даже на грозное предостережение, на таинственное предостережение из «Голубиной Книги»:

*«Написана грамотка по синему бархату,
Не прочесть ту грамотку ни попам, ни дьякам,
Ни умным мужикам...»*

Грамотку эту – век за веком – читают поэты. В звёздных знаках, разбросанных «по синему бархату», ищут и – находят. В глубинах земли ищут – и находят. Их бранят за слушание, они всё равно ищут – в неведомом.

Несчастливые порою земные судьбы сполна искупают несравненным счастьем – принести в мир то, о чём только догадывались другие, чаяли всею душой, а назвать, обозначить словом и ритмом не могли.

Названное в поэзии – переходит в иное жизненное состояние.

Переходит из жизни – в бытие.

Русский КОН

(Культура. Оборонка. Наука.)

К вопросу о национальной идее, о базовых ценностях России

Кон – это основа для всякого русского начинания, от первых детских игр, до последующих фундаментальных дел и свершений. «На кон» ставят многое, порою всё, что есть в жизни у человека, «на кону» стоит в дни испытаний судьба России. Это одно из самых изначальных русских понятий – кон. И если определяться с русской национальной идеей, надо начинать с основы – с кона.

«Великой» называть истощённую, нещадно обворованную за годы «реформ» страну, кажется ныне просто издевательством. Но вот понятие *крупности, масштабности* у России не отнять по-прежнему. Крупность замыслов, крупность характеров, крупность чувств – это онтологические (как бы ни старались их «отменить») черты и свойства России, русского человека.

Немудрено, что всякое мелочное, сиюминутное, *некрупное* дело – психологически, и даже исторически обречено у нас на провал.

1. Культура.

Ну не может всерьёз русский человек принять вместо кино и литературы Большого Стиля дамские романчики и сериальчики! Читают их, смотрят их? Читают, конечно, смотрят. От безделухи, от безнадёги, от тоски кормятся эрзацем. Эрзац всё это потому, во-первых, что там нет признаков настоящей жизни, а есть лишь её имитация.

В эпоху Большого Стиля *жизнь* была на первом плане. И в кино, и в литературе люди – герои – творили, соверша-

ли большие дела и поступки, все они были строителями, со-
зидателями в первую очередь. Кто занимался космически-
ми проектами, кто писал книгу, кто делал научное открытие,
и лишь на этом фоне становились увлекательными и по-на-
стоящему трогательными интимные стороны человеческого
бытия. И любовь была, и развлекаться люди умели, и шути-
ли, и пели. Но всё это – на фоне Большого Дела, на фоне
живых, настоящих людей, настоящей жизни.

Потому и помнятся нам те герои (далеко не только герои
войны), потому и повторяем

в самых разных жизненных ситуациях их слова, шутки
и песни, которые буквально *у всех* на слуху,

а не только у старшего поколения – «Зачем он в наш кол-
хоз приехал, зачем нарушил мой покой...» (хотя не все уже
помнят, что такое колхоз, а песню – все), «Хороший ты му-
жик... но не орёл...», «Выпьем за победу... за НАШУ Побе-
ду!»... вспоминать и цитировать можно до бесконечности.

И каждый поцелуй на экране – это было нечто, это было
Событие! Кстати, эротики в советских фильмах было побо-
лее, нежели в нынешних. Настоящей эротики, а не вымучен-
ных

стонов актрис-притворяшек. Например, сцены в теплуш-
ке из «Баллады о солдате», очень целомудренные сцены, за-
поминаются на всю жизнь – своей открытостью (и застенчи-
востью одновременно), нежностью, сердечностью. Как сму-
щается, как она ахает, бедная героиня,

не заметившая человека в полумраке теплушке и решившая всего-то навсего поправить чулочек! Сколько смущения во всём облике героя! Сколько чувства – глубоко интимного – на фоне большой, страшной войны!

А все эти бесконечные лобзания, обнажения, совокупления, сплетни, интриги, обжорства современных героев мыльных опер – как ни обнажайся, как ни выворачивайся наизнанку – попросту пусты. Пусты, как вывернутый целлофановый мешок. И совершенно не эротичны. Потому что нет фона, нет жизни, нет объема. Потому, что всё мелко, всё невясерьёз, и не люди это, а манекены.

Какая может быть эротика у манекенов, даже очень голых? И дети у них ненастоящие – даже дети! Да и зачем эти дети? Чтобы подрасти и стать, как их старшие персонажи, очередными обжорами, сладострастниками, интриганамии?.. Где нет настоящей жизни – нет пути, нет будущего.

Культура – настоящая культура – требует государственного внимания, и денег отнюдь не частных, ибо частник всё будет кроить лишь по собственному вкусу, часто примитивному, и даже хорошие актёры, писатели, музыканты чаще всего будут не творцами, а подёнщиками, и в итоге мы получим халтуру. Что и происходит, как видно по всему.

2. Оборонка.

Ну вот с души воротит, ну неинтересно русскому человеку тачать, к примеру, тефлоновые кастрюли на оборонном заводе-гиганте. Гигантское хипроизводство пустить под вы-

делку пластиковых баклаг под напитки? Это проще просто-го. Но неинтересно, скучно. А если душа у человека не поёт, то и дела хорошего не выйдет. Так уж изначально устроен русский человек – где большого, крупного замысла нет, там и песни нет. А без песни никакое дело у нас не спорилось и не будет спориться.

Что характерно, даже в производстве нам всегда удавались лишь крупные проекты, которые так или иначе были связаны с оборонкой.

Космос. Первый спутник, первый человек на орбите, первый выход в открытое пространство.

Лучшее в мире оружие. Лучшие большегрузные автомобили, также связанные с военно-промышленным комплексом. (Наш «Камаз», например, уже который год потрясает весь мир на гонках «Париж-Дакар»!)

А вот с легковушками не очень-то получалось у нас. И не получается. Даже с послевоенным «сталинским» заказом вышел не то чтобы конфуз, но... нечто близкое к тому. Рассказывают, что когда, наконец, Сталину показали долгожданную отечественную легковушку, торжественно названную «Победа», он, задумчиво покурив трубку, сказал лишь одно:

«Победа... но – маленькая».

Легенда это или нет, но тут выражено основное. – Не получается у нас сделать «изящную», «частную» вещицу для личного пользования. А если не получается на уровне ми-

ровых стандартов, значит и гоняться за этим не стоит. Тут лучше пользоваться, как это ни грустно, импортными изделиями.

И с отечественными компьютерами мы непоправимо опоздали – слишком рьяно, должно быть, боролись с «дьявольскими» науками. Хорошо, пускай они и впрямь дьявольские, но тогда уж надо быть последовательными до конца. Как пользовались, так и пользоваться деревянными

счётами, «чихвирями». Ну, в лучшем случае, механическим арифмометром. То есть, стоять

на своём, что бы ни случилось, как бы ни развивался весь остальной мир. Глупость вышла.

Опомнились – погнались за Японией, Америкой, Европой... ан поздно. Не догнать. И по «железу» отстали, и по программному обеспечению. Значит, здесь самое разумное смириться и пользоваться тайваньской, таиландской, корейской продукцией, а главные силы и средства пустить на то, в чём традиционно мы всегда были и есть сильны.

Наше оружие – лучшее в мире оружие? Да, безусловно. А ведь это громадное производство, это миллионы рабочих мест, это огромный мировой рынок, а следовательно и очень большие деньги для нашей экономики. Но главное – это нормальный, веками испытанный труд, это созидание, творчество. (Оружие не отменили в современном мире? Значит, и нравственные вопросы о его разрушительной силе пусты, попросту провокативны). Но ведь не только оружие вклю-

чает в себя понятие «Оборонка». Это и большегрузные машины, и сталелитейные цеха, и авиация, и железные дороги, и флот, и космос... а вместе с этим – что самое главное! – общее поднятие народного духа.

Это очень естественно взаимосвязано. Если человек чувствует, что работает не на однодневную задачку, не на частную лавочку, не на лотерейщика и лохотронщика, а на огромную страну с ясно выраженными, *крупными* задачами и целями, он способен на многое. Он и лишения тогда готов терпеть, и работать сверх графика – было бы ради чего, было бы это всерьёз и надолго!

3.Наука.

Ну не интересно крупным учёным решать мелкие рутинные задачи, создавать бухгалтерские программы для частных банков и монопольных корпораций! Не для того они учились у лучших преподавателей в знаменитых на весь мир институтах, не для того мечтали о великих прорывах в самых фундаментальных областях современной научной мысли, чтобы видеть воочию как рушится грандиозная научная традиция, а государство откровенно отворачивается от проблем не только самих учёных, но и от общенациональных стратегических задач.

Речь в первую очередь должна идти о русской фундаментальной науке, которая традиционно всегда была одной из ведущих в мире. Даже и теперь, полуразрушенная, загнанная в нищету, она из последних сил пытается не сдавать сво-

их позиций.

Наука прикладная выживет и без особой государственной поддержки. А вот базовая наука, по определению не могущая дать сиюминутного результата, обречена на угасание без мощной государственной стратегии, а значит и серьёзного её финансирования. Фундаментальная наука, как многолетнее растение, даёт благодатные плоды лишь годы и годы спустя, после долгого и терпеливого возделывания, пестования её. Ныне многие наши учёные-теоретики разбегаются по свету, их охотно принимают за границу, где знают цену русской научной школе. И знают, видимо, лучше, чем в родной стране, ибо таких условий для долговременных научных исследований, как там, нашим собственным «Платонам и быстрым разумом Невтонам», у нас нет и пока, увы, не предвидится. Далеко не одни материальные блага привлекают за рубеж наших учёных. Они просто не видят перспективы в стране, лишённой фундаментальной стратегической линии. Зачем они здесь нужны? Если с высоких трибун им, равно как и деятелям культуры, и оборонщикам, не так уж давно был вынесен политический приговор – мол, мир изменился, сознание современных людей становится полифоничным, взгляды плюралистичными, мы все – вся планета – станем пацифистами и прагматиками. Войн не предвидится. А значит, оружие нам не нужно, судьба военных заводов – конверсия. Следовательно, фундаментальная наука, во многом работающая на оборонку, тоже не нужна.

А культура... в любом западном, прагматичном, «здоровом обществе» она сама зарабатывает себе на жизнь и сама себя обслуживает. Что, конечно, враньё, но «для тёмного быдла» сойдёт...

Примерно в таком духе было сказано правительством Гайдара всем тем, кто испокон веков нёс мировую славу России и всегда обеспечивал высокое место для неё в человеческом сообществе. Следующие правительства столь категорично уже не выражались, но и не делали по сути ничего для русской культуры, оборонки, науки.

В итоге – на грани вымирания уникальные русские литературные журналы, аналогов которым нет нигде и которые не смогут выжить без государственной поддержки. А их утрата – невосполнима.

В итоге – великий русский балет превращается в доходное шоу.

В итоге – русские научные открытия приносят славу и деньги другим странам.

В итоге – с рынка оружия Россию уверенно вытесняют зарубежные «пацифисты и прагматики», талантливые наставники наших политиков.

В итоге – сотни тысяч (если не миллионы) высококлассных специалистов, инженеров, рабочих становятся безработными по причине свёртывания оборонного комплекса. Часто они не могут найти достойного себе применения и просто гибнут, спиваются от безнадёги. В том числе и от об-

щего ощущения бессмысленности существования в стране, не имеющей цельной стратегии и крупной национальной идеи. Но ведь она есть!

А главное – за ней далеко ходить не надо, и не надо её специально придумывать!

Вся идея в том, что основные усилия народа, главные государственные ресурсы надо не распиливать по мелочам, а сосредоточить для начала хотя бы на трёх крупных областях русской жизни, очень прочно, глубинно связанных между собою – Культуре, Оборонке, Науке. Это и будет Русский КОН,

стоя на котором, Россия оживёт, возродится вновь во всей своей мощи. Будут поставлены крупные, ясные цели, начнут они осуществляться, – прояснится и сам дух народа, охваченный ныне самой страшной болезнью – безразличием ко всему. Отсюда и грех уныния в народе. Отсюда и падение демографии. И не надо себе лгать – никакие дотации не повысят деторождаемости в стране, бредущей неизвестно куда и зачем. «Жить незачем. Тоска» – вот что читается в статистических выкладках демографов в первую очередь. А уж во вторую – повальная нищета при глобальном и безнаказанном воровстве кучки мироедов. «Не очень-то нужны мы сами, значит дети наши будут вообще не нужны, так на что их плодить?» – Это приговор стране, забывшей про величие, про «Замысел Божий о России». А Замысел был и всегда останется крупным. Всякая же попытка уподобить Рос-

сию небольшой европейской стране, означает только одно – исчезновение её, как уникальное историческое и духовное образование, с карты мира.

Сейчас для России, как воздух, нужна общая оптимизация духа. Выход из тупиков уныния и безнадёги, отогнание, как страшного кошмара, информационной войны масс-медиа против людей. Чёрный туман ежедневных катастроф, очередных безнаказанных краж и разбоев, наползающий с экранов, всё это делает людей сначала безвольными, а затем безразличными ко всему. Людям нужно дать простые, крупные и ясные цели, тогда они воспрянут духом и начнётся возрождение России.

Три крупных направления, увязанных воедино: **Культура. Оборонка. Наука.**

Это и есть **русский КОН**, на котором Россия сможет достойно стоять перед миром и перед Богом.

Остальное приложится само собою, как говорится, «в рабочем порядке». Не экономические выкладки и сиюминутные выгоды должны стоять во главе всего, а стратегические цели и ценности, за которые Россию просто вынужден будет уважать весь мир.

СЧАСТЬЕ РОССИИ – ДУРАКИ И ДОРОГИ

...ну чего им дома не сиделось, этим здоровым, сильным, красивым мужикам – «первым парням на деревне» – всем этим безумцам, чудакам, первопроходцам, этим Дежневым, Хабаровым, Лаптевым? Помани рукой – любая девка твоя, захоти только – лучшая изба на побережье срублена будет.

Нет.– На край света, за край света, и только так!

А уж сколько трудностей, сколько невероятных приключений, испытаний на грани жизни и смерти их ожидало! – они это знали, знали, когда снаряжали сани и корабли, добывали провиант для своих немыслимых странствий. А главное ведь, снаряжали их для странствий совершенно дурацких на трезвый взгляд. Ну куда ещё-то шириться? Земли хватает, море кормит, ну чего ещё-то скрестись, буквально проскрестаться сквозь вечную мерзлоту, сквозь ледяные заборы, торосы?

А ведь проскрестись! Не все, конечно. Но те, чьими именами названы моря и заливы – те проскрестись, и остались в памяти земли на века. Других имён (а их, безвестных для мира, наверное, куда больше было) мы не знаем и не помним. Помним Победителей. Дураки, но – Победители. А те, безвестные дураки? Ну куда они все стремились, зачем? Но ведь

и они в тайной памяти земли Победителя. Они победили, переломили себя, свою замкнутость, герметичность, и вышли на подвиг.

Здравым рассудком этого не понять. – На край света! И – за край!

И вот, урвали от диких просторов земли такую орясину, такие немислимые пространства, что весь цивилизованный мир дивится – дивится русским дуракам. Зачем обихаживать такую трудную – самую тяжёлую в мире! – территорию, где «нормальному» человеку и выжить-то невозможно? Вечная мерзлота, костоломная холодрыга, полярная ночь с безумными, сводящими с ума неземными сияниями...

Тот факт, что эта орясина кормит полмира нефтью, газом, минералами – теперь, кажется, мало кто воспринимает с благодарностью, и уж совсем немногие помнят о тех дураках, кто проложил дороги к несметным, самым насущным для «цивилизованного» мира богатствам. И по-прежнему считают Россию страной дураков. И понять не могут её, эту «таинственную русскую душу». Да и не поймут никогда, покуда не осознают, что счастье России – именно дураки.

Умные в смертельный поход не пойдут. Умные на распутье трёх дорог у судьбинного камня выбирают самую благополучную дорогу. А русский витязь (ну не дурак ли?) выбирает смертный путь. Который оказывается в итоге самым

живым и сильным.

Да, русский витязь – дурак. И это счастье России. Такого счастья для Швейцарии или Бельгии, к примеру, да и для всей благополучной Европы – слишком много. Это счастье для них непомерно, оно им не в статью, не в стиль, оно им просто не по плечу...

Стоит ли удивляться тому, что в Европе дороги хороши? Утрамбованы, отглажены, отшлифованы так, что с полной чашкой кофе можно нестись по ним на предельных скоростях и пить его, не расплескав ни капли, закусывая при этом горячим гамбургером...

Ещё бы нехороши!

Эти маленькие, уютненькие страны грех не благоустроить, буквально вылизав каждый клочок земли, до зеркального блеска доведя любую автотрассу. Так у них ведь и дураков нет в заводе, все умные, цивилизованные, приличные. А русский на их фоне – неприличен. Ох как неприличен! – и он сам, и его дороги. Попробуй-ка с полной чашкой кофе или чаю по нашим дорогам промчатся: зальёшь и себя и соседей на буераках да выбоинах.

Нет, у нас ездят не так, у нас в дорогу берут термос и «тормозок», да и то не в пути пьют-жуют, а на привалах. И всем так любви и памятливы те привалы на придорожной травке, у родничка, у речки, что отказываться от них никому и в голову не придёт. Как можно! Это ведь тоже часть, причём

очень значимая часть русской – полукочевой, полустраннической жизни. Дико было бы не странствовать по таким великим, порою нетронутым просторам, как в России.

Я не очень понимаю людей, страстно рвущихся непременно обозреть именно западные диковинки. Не осуждаю, но и не понимаю: в России столько удивительных, неизведанных мест, что жизни, пожалуй, не хватит их все посетить, да хотя бы просто оглядеть – и Енисейские столбы, и пейзажи Волги, и Лену, и Обь, и Амур, и Приполярье, и Камчатку... всего не перечесать.

Впрочем, дело хозяйское. Хочется на Запад, деньги имеются, – пожалуйста.

Речь не о том.

Речь, собственно, о дураках и дорогах, которые, повторю – счастье России. Да, плохие, тяжёлые дороги у нас. А попробуй-ка, проложи на такой гигантской территории автобаны западного образца и качества. Века и века для того надобны, это тебе не Бельгия, не Швейцария, не Лихтенштейн.

Но вот вопрос: а не дороги ли наши (не буераки ли и выбоины) хранили Россию от многочисленных, в основном западных, нашествий? Тамошние гадалки и ведуны настойчиво предупреждали всех своих вождей-агрессоров, решившихся идти войной:

«Не ходи на Русь, пропадёшь, сгинешь в болотах, в бue-

раках, в бездорожья. А русский мороз довершит дело, изваяв ледяные мавзолеи для твоих воинов... куда хочешь ходи, а на Русь – ни-ни!..»

Кто имел мудрость внять предостережениям, оставался цел. Судьбы же иных слишком хорошо известны. – Всё, как по писаному (сказанному-предсказанному), сбывалось: наглядно, ужасающе и совершенно непостижимо для предводителей самых сильных и организованных войск в мире.

Наполеон и Гитлер здесь только самые памятные и страшные фигуры, фигуры и личины великих агрессоров-неудачников. А сколько их было за всю обозримую, уходящую во тьму протопластов, историю России? Всех не упомнишь, но участь всем доставалась одна: увязли и сгинули в бездорожья, в диких пространствах, отвоёванных у суровой природы русскими дураками.

Именно дураки для всего цивилизованного мира и донныне – это ничто иное, как неучтённые, невычисляемые величины. Когда учтут и вычислят, разговор будет иной. Но, кажется, дело до этого так и не дойдёт.

Так что же, выходит, при таком «счастливом» раскладе нам и дорог хороших не надо? Надо. Конечно, надо. Только вот когда они образуются, хорошие дороги, на бескрайних наших просторах? Может быть, лишь тогда, когда информационные поля мира расширятся настолько, что всё человечество станет единым целым и войны станут попросту неактуальны, не нужны никому в этом едином, а не раздроблен-

ном, как сегодня, Целом?

Может быть, может быть, а пока...

А пока счастье России – дураки и дороги.

КОРРУПЦИИ В РОССИИ НЕТ

Представляю, сколько гвалта может подняться после подобного заголовка.

– «Как это, нет коррупции? Да на каждом шагу, в любом учреждении, от самых значительных кабинетов до жилконтор и поликлиник, всюду, всюду коррупция!..»

А вот нет, и всё тут.

Есть воровство, есть взяточничество, есть лихоимство. А коррупции нет. Да на неё и статьи-то уголовной не могут сочинить, утвердить её не могут лишь потому, что её – нет. На взятку – есть статья. На воровство – есть статья. На лихоимство – есть статья.

А почему они есть, эти статьи, в реальном уголовном кодексе?

А потому, что они и в самом деле есть, реально есть, и всем знакомы, и совершенно очевидно присутствуют в нашей жизни. А коррупция, это нечто из виртуальной области.

Давно бы пора понять: нас всех «кинули» на языковом уровне. И только уже потом на экономическом. Гнилая языковая почва (излукавленный язык) подготовила уродливые экономические всходы. Скажи народу честно, по-русски, во времена гайдаровских реформ:

– «Ребята, нам ваши накопления нужны позарез, мы, пожалуй, ваши сберкнижки опустошим, а вы потерпите. Мы

умные, талантливые, мы долго ждали-терпели, а теперь вот наш час настал. А вы быдло, вы тёмные, вы вечные рабы, перетопчетесь как-нибудь.

А мы и себя обеспечим, и макроэкономику поднимем... в общем, смиритесь, ребята...»

Если бы вот так, подло, но хотя бы понятно, по-русски сказано было – никакая гнилая «реформа» не прошла бы. Поэтому, всё тонко продумав и рассчитав, изъяснились с народом практически на виртуальном уровне, на интернациональной лексической фене, абсолютно непонятной большинству населения.

«Либерализация» вместо «изъятия» денежных масс, «плюрализм» вместо «разгильдяйства», «стагнация» вместо «упадка», «консенсус» вместо «договора» и проч., и проч., и проч. Языковая белиберда настолько замутила людям мозги, что они их практически утратили, и дали себя ограбить мегажулюю. Вначале – язык, потом – экономика.

Собственно говоря, язык, это всё что у нас осталось. Язык это твердь. «Реальная» жизнь – зыбь. Это вот как небо и земля. Небо, вроде бы, и пощупать невозможно, но это твердь – как по религиозным воззрениям, так и по научным. А земля, твёрдая, с гравитацией, по которой мы ходим и ездим, по большой сути очень зыбка. И летит она в неведомых космических пространствах, только этого пока не замечаем...

Язык – наша твердь. Лишь опираясь на него – на чистый, понятный, разумный язык, мы способны выйти на ясный

путь. Но, отдавая себе не менее ясный отчёт именно в этом, некие крайние силы (из числа политологов, политиков, журналистов) подсовывают нам как раз виртуальный, бредовый, ничего не означающий язык.

Ну что такое коррупция? Нечто вроде коррозии, что ли? Зачем вбросили это виртуальное словечко буквально во все информационные поля, и мурыжат его, и мурыжат – на самых различных уровнях! И никто понять толком не может: да где она, это коррупция? Почему нет закона для неё? Почему бороться с ней невозможно?

А попробуй, поборись с миражом, с виртуальным бесёнком.

Вот и выходит, что нет у нас коррупции, чепуха это, мираж, сознательно внедрённый в массы, чтобы отвлечь от действительно реальных проблем – от воровства, взяточничества, лихоимства. Так птица уводит от гнезда...

Но тут возникает другой вопрос: а всегда ли так удручающе, махровым цветом распускались они в России – воровство, взяточничество, лихоимство? Пожалуй, что нет, не всегда. Были, бытовали – всегда. Но расцветали особенно пышно, если присмотреться повнимательнее к нашей истории, именно в эпохи реформ, во времена ломки устоев, традиций. И только тиранические режимы способны были бороться с этой напастью. При Иване Грозном, при Петре Первом, при большевиках ворами и взяточникам приходилось неслад-

ко. Они вынуждены были затаиться до очередной «оттепели». А вот в «оттепельные» периоды, совпадавшие, как правило, с очередной эпохой перемен, воровство и беспределщина достигали апогея.

Крестьянская реформа Александра Второго яркий тому пример. Миллионы безземельных мужиков хлынули в города, где стали пресловутым люмпен-пролетариатом.

То есть – никем.

Что такое крестьянин без земли? Безликая амофрная масса, с которой можно делать всё, что угодно. Вот уж руки запотирали Плеханов, Ленин, да и все основные идеологи русского бунта: «Какой матерьялище для революции!». И были правы. Последствия нам слишком хорошо известны.

А ведь не Александр Второй был первым подвижником в деле освобождения крестьян. Задолго до него умные и совестливые русские вельможи прекрасно осознавали всё безобразие крепостного права. Менять людей на породистых щенков, бессудно пороть на конюшне баб, мужиков, детей, порою до смерти, – это было глубоко отвратительно совестливому православному человеку. И голоса из дворянского стана поднимались задолго до 1861 года. Одним из первых был никто иной, как «царский сатрап» Аракчеев. Его и доныне, двести лет спустя, в школах подают исключительно в качестве сатрапа и самодура. А на фамильном гербе у него, между прочим, были такие слова:

«Без лести предан».

Всей своей жизнью и государственной деятельностью он подтвердил эти слова.

Практически в одиночку он схватился с дворянской мафией во главе со Сперанским. Единственный, кто его горячо поддерживал, был Государь. Сперва Павел, затем Александр Первый. Но Аракчеев, ратуя об отмене крепостного права, ставил одно непеременимое (и очень опасное для дворянской мафии – так им, полоротым, казалось!) условие: освободить крестьян следует только с наделом земли. Он понимал, что такое безземельный крестьянин, какой хаос поднимется в стране, хлынь безземельный крестьянин в города. Это же самый прямой путь к разгулу воровства и бандитизма!

Жаль, что этого недопонял или не учёл прекраснодушный Александр Второй, отпуская крестьян на волю без земельного надела.

Аракчеева сожрала дворянская мафия. Даже Государь отступил перед её организованным натиском. И – надломился морально, уже до конца жизни. Аракчеева же просто схряпали высокородные жадины, и в учебники постарались внедрить его образ, как самого страшного крепостника. Бессовестно поступили, иначе не скажешь, наши аристократы, дворяне, по сути же – самые главные русские мироеды.

А поделись частью земельки, не обеднели б, но зато страна стала бы совершенно иной, без следов рабства, низкопоклонничества и лести. То есть без всего того, что и готовит почву для безнаказанного воровства, взяточничества, лихо-

имства в стане власть имущих.

Но, возвращаясь к эпохам реформ, следует отметить неожиданное: почему-то при всех реформах Россия начинала жить только хуже и вороватее. Потом, когда чуть «устаканивалась» взбаламученная реформами страна, жизнь опять потихоньку налаживалась, и текла своим традиционным, многовековым, многотысячелетним руслом. До следующих реформ...

Тут прямо-таки просится на бумагу парадоксальный лозунг:

«РЕФОРМЫ В РОССИИ СЛЕДУЕТ ЗАПРЕТИТЬ!»

А ведь это не столько парадокс, сколько желание дать пожить спокойно уставшему, на глазах убывающему народу. Может быть, тогда и демография наладится, сама собою наладится, без понуканий и чиновничьих пряников?

Такое ощущение, что несчастный грузовик, завязнувшей в бескрайней распутице, методично терзает кучка честолюбцев, безумцев, пьяниц. Только-только радиатор поостынет, только из грязи вырвется грузовик на дорогу, подлетает к очередному шофёру очередной безумец, вырывает баранку и разворачивает грузовик в обратную сторону. А у того безумца новый безумец вырывает, и опять в другую сторону. А грузовик-то не простой, ядерной начинкой гружёный, рванёт на полмира – мало никому не покажется...

И мотается тяжкий, изнасилованный безумцами грузовик, по бездорожью, кружит, петляет, а пути всё нет. Хотя путь очевиден: ведите в одну сторону, даже неважно в какую, но только в одну, а не в разные, и куда-нибудь выедем, на большак всё равно попадём. Так нет, реформы, понимаешь ли, реформы...

Запретить их к чёртовой матери, и все дела. Без них, без реформ, людям только лучше будет. Не дураки наши люди,

сами сообразятся-образуются.

А с языком поосторожнее надо бы. Русский язык, он сам подскажет где свет, где тьма. Только не надо ввергать его в области бредовые, виртуальные, непонятные. От виртуальных понятий не только мозги мутятся, – народ вымирает. Жить ему тошно без родного языка, незачем жить. Вот и апатия отсюда, и безнадёга всеобщая, и повальное пьянство-наркоманство. А главный наркотик – это именно он, чудовищный, нерусский, виртуальный язык, убивающий всё живое в русской жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.